

НКВД и РПЦ накануне и во время Великой Отечественной войны: грани взаимоотношений

И. А. Потёмкин, А. Ю. Климов

Аннотация. В статье представлена эволюция общественных отношений между Русской православной церковью (РПЦ) и государственными структурами в лице НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Показаны основные аспекты взаимодействия НКВД и РПЦ в военных условиях: информационно-патриотическая деятельность, влияние церкви на верующее население страны на оккупированных территориях, практическое участие представителей духовенства в деятельности партизанских формирований НКВД СССР, оказание священнослужителями помощи подпольно-агентурной и разведывательной сети НКВД в тылу врага.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, НКВД, Красная Армия, Русская православная церковь, государственная конфессиональная политика, религиозные организации, патриархат.

Abstract. The article deals with the evolution of public relations between the Russian Orthodox Church (ROC) and state structures represented by the NKVD of the USSR during the Great Patriotic war. The main directions of interaction between the NKVD and the ROC are presented. These are the information and patriotic activities of the clergy, the influence of the Church on the faithful population of the country in the occupied territories, the practical participation of the ROC and clergy in partisan formations of the NKVD of the USSR, providing assistance to priests under the cover of the NKVD's secret service and intelligence network behind enemy lines.

Key words: USSR, Great Patriotic war, NKVD, Red Army, Russian Orthodox Church, state confessional policy, religious organizations, Patriarchate.

В настоящей статье поднимается лишь малая, однако специфическая и очень важная часть вопросов государственно-конфессиональных отношений в годы Великой Отечественной войны. Это взаимоотношения

Потёмкин Игорь Анатольевич — начальник отдела по изучению проблем истории МВД России НИЦ Академии управления МВД России. E-mail: igor.potiomkin@yandex.ru; *Климов Андрей Юрьевич* — главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России НИЦ Академии управления МВД России, доктор исторических наук, доцент. E-mail: klimovandrey2008@rambler.ru.

Potemkin Igor A. — head of the department for the study of history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. E-mail: igor.potiomkin@yandex.ru; *Klimov Andrey Yu.* — chief researcher of the department for the study of history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of history, associate professor. E-mail: klimovandrey2008@rambler.ru.

Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД СССР) и Русской православной церкви (РПЦ). За скобками остаются подобные отношения с другими конфессиями, а также с обновленческой православной церковью, которую РПЦ традиционно считала «раскольничьей».

В конце 1930-х гг. государственная конфессиональная политика в Советском Союзе испытывала глубокий кризис. В 1938 г. была упразднена Комиссия ЦИК СССР по вопросам культа — единственный орган, осуществлявший официальные контакты правительства с религиозными организациями. НКВД СССР стал главным «проводником» государственной конфессиональной политики, контролирующим религиозную жизнь в стране. При этом в отношении религиозных организаций ведомству был поручен участок работы, связанный не столько с карательными функциями, как это часто стереотипно представляется, сколько с контрольными, статистическими и аналитическими. От высших партийных органов этот участок деятельности курировал секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков.

В годы репрессий, пик которых пришелся на 1937 г., из всех религиозных конфессий в наибольшей степени пострадала Русская православная церковь как самая многочисленная и более прочих ненавидимая советской и партийной властью. К 1940 г. количество действующих православных общин на территории РСФСР в административном порядке было сокращено с 3 617 до 950. Из этого числа реально действовало лишь около трети общин: «в 25 областях не имелось ни одного действующего храма, в 20 — от одного до пяти»¹. К 1939 г. к ответственности за «контрреволюционную» и «вредительско-шпионскую» деятельность не были привлечены только четыре иерарха РПЦ: Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), избранный на должность патриарха в 1943 г.; митрополит Алексий (Симанский), также избранный патриархом в 1944 г. после смерти Патриарха Сергия; архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский). Органы НКВД доносили с мест о тихом недовольстве обширных слоев населения массовой антицерковной кампанией, что уже невозможно было списать на контрреволюционные настроения несознательных граждан. «В массах верующих зрела убежденность в том, что государство должно пойти на нормализацию отношений с религиозными организациями»².

В то же время образовался существенный разрыв между фактическими итогами репрессивной политики в отношении священнослужителей, в первую очередь РПЦ, в совокупности с идеологической победой атеистического движения и доминантой «преодоления» религии — и реальными устойчивыми традициями верования огромного количества советских людей. Безоговорочная победа атеизма в Советском государстве даже в то время оказалась полной иллюзией. Данные переписи населения 1937 г. показали, что 45,6% жителей страны признали себя верующими³. К тому же в самом обществе на рубеже 1930—40-х гг. происходили мировоззренческие сдвиги: стал возрождаться интерес к отечественной истории, восстанавливалась преемственность в развитии Советского государства, отчетливо проявились патриотические тенденции в государственной идеологии, нараставшие в предвоенных условиях.

С началом Второй мировой войны, осенью 1939 и летом 1940 г., в состав Советского Союза были включены обширные территории Западной

Украины и Западной Белоруссии, стран Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, где проживало в целом не менее 7,5 млн. православных (помимо католиков, греко-униатов, а также протестантских и еврейских общин). Здесь действовали храмы, тысячи приходов, десятки монастырей, духовные учебные заведения, массово издавалась религиозная литература. В условиях надвигавшейся войны было опрометчиво проводить на этих территориях карательную религиозную политику. Одним из первых высших руководителей государства это понял нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. Он предложил начать борьбу за умы верующих людей на присоединенных территориях Западной Белоруссии и Западной Украины.

Как известно, вскоре после начала Второй мировой войны на внеочередной V сессии Верховного Совета СССР были приняты два закона: от 1 ноября 1939 г. «О включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой» и от 2 ноября 1939 г. «О включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой». После этого акта немецкие спецслужбы не оставили попыток повлиять на верующих людей Западной Белоруссии и Западной Украины, прежде всего на православных, особенно с учетом того что после нападения на Польское государство православная церковь на его оккупированной территории стала пользоваться покровительством германских оккупационных властей. Около 90% верующих самой Польской православной церкви составляло восточнославянское население. 20 сентября 1940 г. Л.П. Берия доложил И.В. Сталину об этой ситуации, предложив решить триединую задачу: 1) поставить надежного авторитетного церковного иерарха на должность экзарха западных областей Белоруссии и Украины, в качестве кого он предлагал архиепископа Ленинградской епархии Николая (Ярушевича); 2) под его прикрытием создать нелегальную резидентуру НКВД СССР для организации агентурной работы, куда привлечь православных верующих, причем не только на территории присоединенных западных областей, но и в оккупированной немцами Польше; 3) «одной из задач этой резидентуры поставить дискредитацию и постепенную замену нынешних руководителей Западных епархий»⁴. Последняя задача диктовалась тем, что православное священноначалие западных присоединенных областей автокефальной Польской церкви находилось под юрисдикцией Константинопольского патриархата, которую в 1925 г. не признал Московский патриархат, поскольку эта часть отрывалась от тела материнской церкви. Кроме того, сама польская власть с 1938 г. начала процесс разрушения православных храмов в Западной Белоруссии и Западной Украине в целях проведения политики колонизации. Была разрушена треть всех храмов на юго-востоке Польши — 127 православных церквей. В Западной Белоруссии, в городах Гродно и Белосток, храмы разрушались, например, под предлогом несоответствия плану развития города⁵. Учитывая всю сложившуюся ситуацию, Л.П. Берия, как глава ведомства, осуществлявшего на тот момент контроль религиозной жизни в стране, предложил посодействовать переподчинению церковных структур на западных территориях Московскому

патриархату, что и было сделано властями. Известна в этой связи записка Л.П. Берии на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова от 20 сентября 1940 г. «О церковных епархиях в западных областях УССР и БССР» ⁶.

В Западной Украине самым опасным в плане влияния на население церковным органом руководство НКВД считало Украинскую греко-католическую церковь. К тому же униатское духовенство оказывало всяческую поддержку украинским националистам. Характерно, что глава церкви митрополит Андрей (Шептицкий) одобрил направление капелланов в создаваемую на оккупированной территории Советской Украины в 1943 г. Добровольческую дивизию СС «Галиция», более известную как 14-я гренадерская дивизия СС «Галичина», которая входила в состав войск СС фашистской Германии.

Нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия и его заместитель В.Н. Меркулов (до образования 3 февраля 1941 г. НКГБ, который он возглавил) подали на имя И.В. Сталина записку от 11 января 1941 г., где был изложен сценарий «разложения униатской церкви и подрыва ее влияния», который касался и деятельности традиционной Русской православной церкви. Фактически это была спецоперация по дискредитации руководства униатской церкви. Среди пунктов сценария были следующие: «Организация движения за отрыв униатов от Шептицкого и присоединение их к православной церкви», «Обеспечение контроля в отношении униатской церкви путем постепенной замены нынешних руководителей надежными агентами» ⁷.

В недолгий предвоенный период (с февраля по июль 1941 г., когда функции НКВД и НКГБ СССР были разделены) деятельностью религиозных организаций на присоединенных западных территориях занимались оба ведомства. Например, известна записка наркома НКГБ СССР В.Н. Меркулова Сталину и Молотову от 20 апреля 1941 г. «Об автокефалистах в Прибалтийских республиках» ⁸. Не без участия Берии и Меркулова 14 марта 1941 г. указом Московской патриархии был учрежден Прибалтийский экзархат как особая митрополия, куда вошли Литовская, Латвийская и Эстонская епископии. Вскоре митрополитом Литовским, экзархом Латвии и Эстонии стал настоятель церкви Преображения на Преображенской площади в Москве Сергей (Вознесенский).

Во время Великой Отечественной войны взаимодействие на высшем уровне со стороны НКВД с иерархами РПЦ осуществлялось до апреля 1943 г., после чего эти функции были переданы в воссозданный НКГБ СССР. И уже это ведомство весной-летом 1943 г. участвовало в подготовке встречи И.В. Сталина с иерархами РПЦ для создания новой государственной структуры — Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, который со стороны государства курировали нарком иностранных дел и заместитель председателя СНК СССР. По другим же направлениям, о которых речь пойдет ниже, НКВД взаимодействовал с РПЦ на протяжении всей войны.

В июле 1941 г. НКГБ и НКВД СССР вновь были объединены. «Объединение НКГБ СССР и НКВД СССР в единый Наркомат внутренних дел было обусловлено чрезвычайной обстановкой военного времени... Требовался единый, сильный государственный орган, способный не только заниматься разведывательной, контрразведывательной и правоохрани-

тельной деятельностью, но и участвовать в военной защите страны, охранять тыл фронтов, организовывать заградительную службу, заниматься решением экономических и научно-технических задач»⁹. Но не только этим. В спектре задач, решавшихся НКВД с осени 1941 по весну 1943 г., важное место заняли вопросы получения государством выгоды от патриотической деятельности Русской православной церкви и выстраивания в этих целях прагматичного сотрудничества.

Патриотическая деятельность РПЦ в военное время достаточно подробно изучена историками. Известно, что в первый же день войны Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский) обратился со своим посланием «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». 26 июня 1941 г. митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), в свою очередь, призвал свою паству к защите Отечества. 14 октября 1941 г., в разгар битвы за Москву, митрополит Сергей огласил послание к «православной и боголюбивой пастве московской», в котором наставлял: «...С Божией помощью и в эту годину испытаний наш народ сумеет по-прежнему постоять за себя и рано или поздно, но прогонит прочь наседающего чужанина. Такая надежда, как железная броня, да оградит нас от всякого малодушия перед нашествием врага. Каждый на своей страже, на своем посту будем бодро стоять, содействуя обороне отечества нашего и ревниво храня драгоценные заветы нашей святой православной веры»¹⁰.

Власть быстро взяла на вооружение гражданскую позицию церкви. Примечательно, что первая статья о патриотической деятельности РПЦ на страницах главной партийной газеты «Правда» появилась уже 16 августа 1941 г. Под надзором сотрудников НКВД стали открываться храмы. Только в Москве весной 1942 г. уже действовало 30 православных храмов, в Московской области, включая освобожденные территории, — 124¹¹. Этому способствовала и проводимая в годы войны «политика национального единства, опиравшаяся на возрождение национальных и патриотических ценностей», которая «нашла свое отражение и в компромиссе с Русской православной церковью и другими религиозными организациями. Достижение компромисса облегчалось позицией самой церкви, стремящейся к сближению с государством, так как она нуждалась в улучшении своего правового и имущественного положения, в налаживании связей с обществом»¹².

Несмотря на трудное положение на фронтах, священноначалие приступило к окормлению прихожан в открытых церквях. РПЦ была привлечена к участию в деятельности как общественных, так и государственных организаций, фондов помощи армии. Например, в письме от 28 февраля 1942 г. Местоблюстителю Патриаршего Престола Сергию (Страгородскому) митрополит Николай (Ярушевич) сообщал о сборе от храмов Москвы 1 088 104 рублей; согласно его же письму от 4 марта того же года, эта сумма составляла уже 1 158 354 рубля. Строгую отчетность с осени 1941 г. вел секретарь Московской патриархии протоиерей Сергей (Даев)¹³.

12 января 1942 г. митрополит Ленинградский Алексий телеграммой сообщил И. В. Сталину о внесении Ленинградской епархией 500 000 рублей на создание в условиях блокады танковой колонны имени Дмитрия Донского¹⁴, а 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей (Страгородский)

призвал паству к общесоюзному движению по сбору средств на военную технику: танки, самолеты и т. д. Примечательно, что именно по указанию Сталина в связи с просьбой Патриаршего Местоблюстителя Сергия, митрополита Московского, 5 января 1943 г. в Госбанке был открыт специальный счет для сбора денежных средств на формирование танковой колонны и другие фронтовые нужды. Более того, в тот же день Сталин отправил Патриаршему Местоблюстителю телеграмму, оперативно напечатанную в газете «Правда»: «Прощу передать православному русскому духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной Армии за заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Указание об открытии специального счета в Госбанке дано»^{15, 16, 17}.

Можно констатировать, что к началу 1943 г. взаимоотношения власти и церкви перешли на новый уровень. «В конце 1942 — начале 1943 гг. отношения между государством и РПЦ резко отличаются от государственно-церковных отношений первого периода войны», и «эти связи имеют деловой характер, ... государство одобряет действия церкви, ... готово способствовать выполнению церковью продекларированную 22 июня 1941 г. патриотическую позицию на практике»¹⁸.

25 февраля 1943 г. митрополит Сергей (Страгородский) посылает еще одну телеграмму на имя Верховного главнокомандующего о сборе средств верующих на церковную танковую колонну. Ответная телеграмма Сталина в тот же день была размещена в газете «Правда»¹⁹. Руководил вопросом передачи собранных средств государству и контролем процесса распределения заказов на Челябинском танковом заводе, где изготавливались танки для колонны, митрополит Николай (Ярушевич), исполнявший на тот момент обязанности управделами Московского патриархата.

Таким образом, еще к концу 1941 г. отчетливо проявилась политическая значимость религиозного вопроса. Настрой И. В. Сталина был абсолютно прагматичен — сакральное и духовное должно стать такой же патриотической опорой, как и вера в светлое будущее, а Русскую православную церковь и верующих во время войны необходимо сделать своими союзниками. Для Сталина, как Верховного главнокомандующего, в этот тяжелый период было важно показать своим гражданам и мировой общественности веротерпимость власти. Он также делал ставку на влияние Московского патриархата на православных прихожан на оккупированных фашистами территориях. Это было особенно важно в условиях, когда немецкая администрация, используя недовольство населения и священников глумлением над верой, закрытием церквей и физическим устранением служителей церкви в довоенный период, разрешила открывать храмы на захваченных территориях (всего там было открыто более 9 000 храмов — почти 40% от их количества в 1917 г., а также восстановлено 60 монастырей). Это был серьезный вызов для советской власти.

НКВД СССР, как проводник религиозной политики партийной власти и правительства, технический исполнитель их решений, со своей стороны должен был сделать ряд шагов для облегчения положения священноначалия и обеспечить комплексное взаимодействие с иерархами и священнослужителями РПЦ. Эта задача была непростой. Идеологемы Советского государства, направленные в довоенное время на построение атеистического общества, на которых зиждилась вся репрессивная

а порой и внеочередных выступлений по радио митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского), Николая (Ярушевича).

По второму пункту взаимодействия НКВД СССР и РПЦ можно привести два красноречивых примера. Один касается вопросов международной деятельности. Начиная с 1942 г. в СССР стали навещаться иностранные делегации, желавшие встретиться с иерархами РПЦ. В сентябре 1942 г. по согласованию с НКВД СССР и ответственными службами НКВД в г. Куйбышеве состоялась встреча владыки Николая (Ярушевича) с советником посольства Великобритании Г.Л. Багдалеем, на которой были обсуждены пути «к достижению лучшего понимания между английской и русскими церквами. В числе других было сделано предложение о том, чтобы состоялся обмен визитами между духовными представителями обеих церквей»²⁹. Техническое сопровождение встречи также осуществлял НКВД.

Другой пример связан с переездом на новое место Московской патриархии. Это произошло 6—7 сентября 1943 г., после встречи И.В. Сталина с иерархами РПЦ, на которой он предложил для размещения не Новодевичий монастырь, а более удобное место — особняк бывшего немецкого посла в Чистом переулке. «При технической помощи сотрудников НКВД Московская патриархия перебазировалась на новое место. В здании шла активная подготовка к намеченному Архиерейскому собору»³⁰.

По третьему направлению взаимодействия хотелось бы сказать следующее. В последнее время раскрывается все больше фактов участия священнослужителей в агентурной, разведывательной работе НКВД СССР и партизанском движении на оккупированной территории, а также взаимодействия с НКВД в блокадном Ленинграде. Так, в 1941 г. из 20 находившихся в блокаде епархиальных сотрудников и настоятелей церквей четверо сотрудничали с органами госбезопасности, в первую очередь по вопросам выявления агентов немецкой разведки и диверсантов³¹.

Участие священнослужителей в агентурной и разведывательной деятельности НКВД СССР в тылу врага, иногда действовавших под прикрытием церковного сана, на сегодняшний день неоспоримо. Ветераны НКВД вспоминали, что «внедрение некоторых оперативных работников в церковную среду на оккупированной территории происходило с ведома самого Патриаршего Местоблюстителя»^{32, 33}.

В этой связи характерен один пример, связанный с владыкой Василием (Ратмировым) и разведоперацией НКВД «Послушники». Впервые об этом рассказал в 1990-е гг. П.А. Судоплатов³⁴, а затем и сами участники операции — полковник НКВД в отставке З.И. Рыбкина (известная как детская писательница Зоя Воскресенская) в своей книге «Под псевдонимом Ирина»³⁵ и полковник внешней разведки И.И. Михеев в журнальной публикации «Священник из фронтовой разведки»³⁶. Бывший епископ «раскольничьей» обновленческой церкви Василий (Ратмиров) после покаяния в июле 1941 г. был принят епископом в Московский патриархат и отправлен на Житомирскую кафедру, но город уже заняли немцы. Поскольку решение вопроса о следующем назначении было отложено, епископ подал в военкомат заявление о готовности защищать Родину и православную церковь. Из военкомата об этом сообщили в НКВД СССР, и руководитель одного из отделов Особой группы НКВД Зоя Рыбкина в ходе приватной

беседы с владыкой Василием спросила, не хотел бы он помочь Родине в ответственном задании, состоявшем в тайном наблюдении за врагом, его перемещениями и военными объектами совместно с двумя разведчиками под прикрытием сана. Епископ согласился³⁷. В помощь ему были отобраны два кадровых разведчика И.И. Михеев и В.М. Иванов, а также радистка Л. Баженова, которых он обучил правилам церковного богослужения. Сам владыка тем временем был назначен епископом Калининским. Когда 17 октября 1941 г. немцы захватили г. Калинин, началась работа разведгруппы. Разведчики выявили склады с оружием и боеприпасами и более 30 агентов гестапо. О ходе операции докладывалось лично И.В. Сталину. Патриотический подвиг владыки Василия был высоко оценен: от руководства НКВД СССР он получил в знак благодарности золотые часы, а решением Синода ему был присвоен сан архиепископа. В документах архива Совета по делам РПЦ при СМ СССР указано, что в 1946 г. владыке, ставшему к тому времени архиепископом Минским и Белорусским, в числе других иерархов церкви была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»³⁸.

Свою лепту священнослужители внесли и в партизанское движение, заручившись поддержкой самого Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия, который напутствовал: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга пред Родиной и лишний шаг к вашему собственному освобождению от фашистского ига»³⁹. В послании православной пастве от 26 июня 1942 г. владыка Сергей убеждал: «...Всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом, окружать их своими заботами, снабжать их оружием и пищей и всем, что есть, укрывать их от врага и вообще помогать им всячески. Так действуя, вы будете достойны венцов, равных с партизанами»⁴⁰. Митрополит Николай (Ярушевич) в годовщину начала войны также обратился к православному населению оккупированных областей с благословением партизанских подвигов и с призывом всем миром помогать партизанам «выполнять их святое делание»⁴¹. Следует еще раз отметить, что эти патриотические воззвания иерархов церкви оперативно передавались НКВД в тыл врага, в районы действия партизанских отрядов, бригад и соединений.

Патриотическую деятельность будущего епископа Кировского и Слободского Иоанна (Иванова) приводит в пример историк М.В. Шкаровский⁴². В августе 1943 г. экзарх Прибалтики Сергей (Вознесенский) рукоположил Иоанна во священника Никольской церкви пригородного Пскова погоста Любятково. Еще во Пскове отец Иоанн активно сотрудничал с партизанами, затем по заданию НКВД ушел с беженцами в Литву, где также установил связь с местными партизанами и выполнял ответственные задания. После прихода советских войск он был представлен к высокой правительственной награде — ордену Красного Знамени. Случай исключительный для священнослужителя.

Одесский протонерей Василий Брага сотрудничал с агентурной разведкой НКВД в оккупированной Одессе, выполнял разведывательные функции, добывал ценные сведения и помогал партизанам, за что был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Примеров участия священнослужителей в боевой работе партизанских отрядов множество. Наиболее яркие из них приводятся в сборнике «Бог и Победа», в главе «Священники и партизаны»⁴³. Так, будущий архиепископ Горьковский и Арзамасский Флавиан участвовал в работе подполья г. Пружаны Брестской области. «Он был напрямую связан с белорусскими партизанами и чудом спасся после разгрома пружанского подполья, но все родственники отца Флавиана были расстреляны, а младшая дочь тяжело ранена»⁴⁴. Протоиерей Иван Рожанович, настоятель церкви с. Сварцевичи (ныне — Ровенская область Украины), активно участвовал в партизанском движении, являлся членом антифашистского комитета, устраивал в своем доме встречи подпольщиков с партизанскими разведчиками. С его помощью «были освобождены 15 партизанских заложников села Велюни, на сторону партизан перешли вооруженный отряд казаков из войск РОА г. Высоцка и части полицейского гарнизона во главе с полковником Фоминым»⁴⁵. Настоятель Видонской церкви в Уторгошском районе Ленинградской области (близ ст. Дно) отец Мефодий Белов выполнял роль разведчика у партизан: узнавал количество и направление движения немецких войск, а данные передавал партизанам. Был замечен немцами и замучен в гестапо⁴⁶.

Из справки митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия от 2 июня 1944 г. о патриотической деятельности священника Ф. А. Пузанова в период оккупации г. Чудова Ленинградской области становится известно, что «во все время оккупации священник Пузанов имел связь с партизанами, давал им хлеб, снабжал одежду, давал им сведения о положении дел, о действиях немцев и т. д.»^{47, 48}.

Из архивных документов о деятельности НКВД СССР и партийных органов во время войны также можно почерпнуть немало информации. Так, в отчете от 4 июня 1943 г. подпольного Пинского обкома КП(б) Б в ЦК ВКП(б) за период с 1 апреля по 1 июня 1943 г. говорится: «... Один крестьянин из деревни Дятловичи подал в Лунинецкую жандармерию список актива села — комсомольцев и лиц, замешанных в связи с партизанами. Все эти лица подлежали изъятию немцами. Нами было приказано всеми мерами спасти этих лиц и уничтожить предателя. Поп выполнил задание — он поехал в Лунинец и собственной подписью поручился, заверяя немцев, что эти люди не пособники партизан, а пособник партизан — сам податель списка. Немцы попу поверили...»⁴⁹. Предатель с семьей был расстрелян немцами.

В донесении начальнику управления НКВД по Калининской области приводятся отдельные факты из деятельности партизанских отрядов Калининской области: «Партизаны Меновского района широко распространяют среди населения листовки, газеты и сообщения Совинформбюро. Характерно отметить, что для этой работы партизаны используют церковь в с. Вселуки, которая начала действовать с приходом немцев. В этой церкви служит священником бывший учитель, пенсионер Успенский А. А. Священник в проповедях призывает население не выдавать коммунистов и партизан немцам, прятать от немцев все, что может быть использовано ими»⁵⁰.

Добавим к этим примерам такой факт: с лета 1943 г. Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД) наладил поставки литературы из-

дательского отдела Московской патриархии в немецкий тыл. А с конца 1943 г. материалы об участии в партизанском движении представителей РПЦ появились на страницах газеты «Ленинградский партизан» — центрального органа ЛШПД.

Агентурной разведкой, созданием сети резидентур в тылу врага 4-е Управление НКВД СССР занималось на протяжении всей войны. На оккупированных территориях Советского Союза многие служители церкви были вовлечены в эту смертельно опасную работу. Благословение на этот подвиг, как уже говорилось выше, было получено от иерархов церкви. Но и без того многие священники в тылу врага сознательно шли на контакт с агентами и резидентами НКВД, участвовали в партизанской войне, помогали подпольщикам, исполняя свой гражданский долг перед Родиной. Эта тема нуждается в дальнейшем скрупулезном исследовании.

В год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне мы обязаны отдать дань всем социальным группам, внесшим вклад в общее дело — разгром нацизма. Важно сохранить память о тех, кто не был на виду, и среди них — представители Русской православной церкви, чье положение в атеистическом государстве было крайне незавидным. Хотя взаимодействие НКВД СССР и РПЦ во время войны и являлось вынужденным, в трудную годину оно принесло огромную пользу стране. Прагматичный расчет государства на помощь столь ценимого русским народом общественного института, каким была РПЦ, полностью оправдался. Священноначалие недвусмысленно поддержало великую битву с чумой XX века, дало достойный отпор коллаборационистам и предателям Родины, всячески способствовало улучшению имиджа Советского Союза на международной арене.

Примечания

1. ОДИНЦОВ М.И., КОЧЕТОВА А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. 2014, с. 35.
2. ОДИНЦОВ М.И. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938—1943 гг.). — Отечественные архивы. 1995. № 2, с. 40.
3. ЖИРОМСКАЯ В.Б. «Православный христианин» и «гражданин Российской державы». — Наука и религия. 1993. № 9, с. 16.
4. СУРКОВ С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). М. 2012, с. 224.
5. ШЕВЧЕНКО К. «Картина варварства и глупости»: белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930 гг. — Антигитлеровская коалиция — 1939: формула провала. М. 2019, с. 64.
6. Опубликовано в работе: КУРЛЯНДСКИЙ И.А. Сталин, власть и религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). М. 2011, с. 542—543.
7. Там же, с. 543.
8. Там же, с. 543.
9. ХРИСТОФОРОВ В.С. История советских органов госбезопасности. 1917—1991 гг.: Учебное пособие. М. 2015, с. 252.
10. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Сб. документов. Сост.: Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. М. 2009, с. 44.
11. ЯКУНИН В.Н. Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Самара. 2001, с. 85.

12. ГУЩИНА А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1996, с. 13.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 194.
14. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб), ф. 7384, оп. 178, д. 693, л. 3.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 628, оп. 1, д. 224, л. 58.
16. Русская православная церковь и Великая Отечественная война: Сб. церковных документов. М. 1943, с. 96.
17. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. ..., с. 61.
18. ШИМОН И. Я. Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 1995, с. 173.
19. Правда. 25.02.1943, с. 1.
20. ОДИНЦОВ М.И., КОЧЕТОВА А.С. Ук. соч., с. 122—123.
21. Там же, с. 127.
22. СУРКОВ С.А. Ук. соч., с. 265.
23. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 37, л. 32.
24. Там же, ф. 82, оп. 2, д. 1028, л. 174.
25. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. ..., с. 21.
26. ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. М. 1999, с. 140.
27. Журнал «Славяне». 1943. № 3, с. 10.
28. СУДОПЛАТОВ П.А. Остаюсь единственным живым свидетелем... — Молодая гвардия. М. 1995. № 5, с. 40.
29. СУРКОВ С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). М. 2012, с. 272.
30. ОДИНЦОВ М.И., КОЧЕТОВА А.С. Ук. соч., с. 183.
31. ЦГАСПб, ф. 9324, оп. 1, д. 14, л. 8.
32. СУДОПЛАТОВ П.А. Ук. соч., с. 40.
33. СУРКОВ С.А. Ук. соч., с. 250.
34. СУДОПЛАТОВ П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М. 1997.
35. ВОСКРЕСЕНСКАЯ З.И. Под псевдонимом Ирина. М. 1997.
36. МИХЕЕВ И.И. Священник из фронтовой разведки. — Наука и религия. 2005. № 2—6.
37. ВОСКРЕСЕНСКАЯ З.И. Ук. соч.
38. ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 53.
39. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. ..., с. 10.
40. ЦГАСПб, ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 235.
41. СУРКОВ С.А. Ук. соч., с. 270.
42. ШКАРОВСКИЙ М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов: Сб. документов. М. 2003.
43. Бог и Победа: Сборник. Автор-составитель В. Зоберн. М. 2014.
44. Там же, с. 244.
45. Там же, с. 243.
46. Там же, с. 242.
47. ЦГАСПб, ф. 9324, оп. 1, д. 13, л. 55.
48. ШКАРОВСКИЙ М.В. Ук. соч., с. 258.
49. РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1075, л. 1.
50. Там же, д. 347, л. 64.